

УДК: 17.023.36: "652": 94 (38)
JEL: A12, N41, O52, P40

Виктор Тарасевич

АНТИЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ МИКЕН И РЕВОЛЮЦИЯ "ТЁМНЫХ ВЕКОВ"

Настоящая статья продолжает цикл публикаций, посвящённых универсальной эволюции античной цивилизации и её субцивилизаций. Анализируется эволюция Микенского цивилизационного ареала и революционные сдвиги "тёмных веков". Показано, что Микенский цивилизационный ареал, как и Крито-Кикладский, принадлежит к срединному субтипу восточного типа общественной эволюции, однако, в отличие от последнего, в нём достаточно определённо обозначились прибрежный и внутриматериковый субареалы. При преобладании их общих срединно-восточно-западных (СВЗ) характеристик в первом сравнительно высока значимость западного компонента, а потому ему присущ срединно-западный субтип восточного типа, а во втором преобладает срединный компонент, что характерно для срединно-срединного субтипа восточного типа эволюции.

Дорийские завоевания субмикенского периода прервали доминирование восточной линии общественной эволюции Древней Греции. Дворцовые хозяйства были разрушены, а вместе с ними – соответствующие общественные формы. "Железная революция" X–XI веков катализировала процессы, имманентные Срединному типу общественной эволюции. В гомеровскую эпоху, с одной стороны, о своих претензиях на доминирование "заявили" компоненты универсальной срединности, в том числе технологические паттерны неполивного земледелия, скотоводства, речного и морского промысла, общинная военная демократия, КИ общинное присвоение неделимой земли, ключевых орудий деятельности и протоинститутов. С другой стороны, появляются компоненты новой, особой срединности, например, ККл(С)Ч форма экзоприсвоения земли и орудий деятельности, ККл(С)Л форма эндоприсвоения СЧСоч и институтов. К сожалению, дефицит исторических данных не позволяет достаточно точно определить субтип эволюции гомеровского общества.

Ключевые слова: цивилизационный ареал и субареал, тип и субтип универсальной эволюции, революционные сдвиги, этнокультурный синтез, центростремительность, центробежность, власть-собственность, частное экзоприсвоение.

ANTIQUE CIVILIZATION: MYKEN EVOLUTION AND THE REVOLUTION OF "DARK AGES"

Viktor Tarasevych (viktarasevich@gmail.com) Doctor of Economics, Professor, Chair of Department of International Economics, Political Economy and Governance National Metallurgical Academy of Ukraine (Dnipro).

Тарасевич Виктор Николаевич (viktarasevich@gmail.com), д-р экон. наук; Национальная металлургическая академия Украины (Днепр). ORCID iD-0000-0002-6997-0166.

Цитирование: Тарасевич В. Н. Античная цивилизация: эволюция Микен и революция "тёмных веков". *Экономическая теория.* 2020. № 4. С. 25–44.

© В. Тарасевич, 2020

ISSN 1811-3133. *Экономическая теория.* 2020. № 4: 25–44

This article continues the series of publications devoted to the universal evolution of ancient civilization and its sub-civilizations. The evolution of the Mycenaean civilizational range and the revolutionary shifts of the "dark ages" are analyzed.

It is shown that the Mycenaean civilizational range, like Krito-Cyclades, belongs to the middle subtype of the eastern type of social evolution, however, unlike the latter, the coastal and inland continental subareals are quite clearly identified in it. With the prevalence of their common middle-east-west (MEW) characteristics, the first component has a comparatively high significance of the western component, and therefore, the middle-western subtype of the eastern type is inherent in it, and the middle component prevails in the second, which is typical for the middle-middle subtype of the eastern type of evolution.

The Dorian conquests of the Sub-Mycenaean period interrupted the dominance of the eastern line of social evolution of Ancient Greece. The palace farms were destroyed, and with them the corresponding social forms. The "Iron Revolution" of the X-XI centuries catalyzed processes immanent to the Middle type of social evolution. In the Homeric era, on the one hand, the components of the universal middle ground "declared" their claims to dominance, including technological patterns of non-irrigated agriculture, cattle breeding, river and sea fishing, community military democracy, CI community appropriation of indivisible land, key instruments of activity and proto-institutes. On the other hand, the components of a new, special middle ground appear, for example, CCI(F)Pr form of ex-assignment of land and tools of activity, CCI(F)P form of endo-assignment of EHSum and institutions. Unfortunately, the shortage of historical data does not allow us to accurately determine the subtype of the evolution of Homer's society.

Keywords: civilizational range and subareal, type and subtype of universal evolution, revolutionary shifts, ethnocultural synthesis, centripetalism, centrifugality, power-property, private ex-appropriation.

Ранее, при рассмотрении особенностей цивилизационных процессов на материке в VI–V тыс. до н. э., было констатировано, что неолитическая революция разворачивается здесь на базе поздней родовой общины и первого этапа эволюции племенной организации унобров. В IV – первой половине III тыс. до н. э. в условиях достаточно низкой переселенческой активности и, в этом смысле, преимущественно эндогенной естественной эволюции аборигенов-средиземноморцев их племенные унобры достигают третьего этапа эволюции и завершают переход от неолита к энеолиту. Судя по артефактам Лерны (*История Европы...*, 1988. С. 140–141), в ряде племен прибрежных районов, не без восточного влияния, власть племенного вождя постепенно трансформировалась во власть царя.

Массовая волнообразная экспансия северных индоевропейцев на материк во второй половине III тыс. до н. э. значительно усложнила цивилизационные процессы. В частности, с одной стороны, не могла не замедлиться эволюция племенной организации, поскольку уровень таковой у пришельцев уступал таковому у аборигенов. С другой стороны, взаимодействие пришлых и аборигенных племен осложнялось их этническими и культурными различиями. Почти тысяча лет понадобилась для того, чтобы в универсумном "тигле" был в основном "выплавлен" греческий этнос, и на этом новом этническом субстрате большинство племён достигло вершин третьего этапа эволюции и "бронзового века".

В XVII–XVI вв. до н. э. вместе с возвышением греческих ахейян возникают и укрепляются ранние материковые государства, взаимодействие которых, при ведущей роли Микен, вплоть до конца XI века до н. э. определяло историю материковой Древней Греции. Правда, уже с XII века до н. э. поликаузальное ослабление этих государств со-

проводилось укреплением и экспансией знакомых с железом северных племен дорийцев. Их окончательная победа над микенской Грецией в конце XI века до н. э. знаменовала начало т.н. "темных веков". Централизация уступает позиции децентрализации. Рассмотрим некоторые содержательные особенности обозначенных этапов эволюции микенского цивилизационного ареала подробнее.

Цивилизационная эстафета Микен

Если опираться на обнаруженные на материке артефакты IV – первой половины III тыс. до н. э. последовательно-параллельных культур Протосескло, Сескло, Демини, раннеэлладской и средиземноморской (*История Европы...*, 1988. С. 79–90), то вполне допустимыми представляются предположения о 1) значительном содержательном подобию эволюции материково-прибрежных и островных племен; 2) существенных особенностях эволюции племен внутренних районов материка. По понятным причинам для последних характерна эволюционная линия 3.2.2.2 – неполивного земледелия и скотоводства, в которой морской промысел отсутствовал по определению. Поскольку к середине III тыс. до н. э. эти племена ещё не преодолели второй этап собственной эволюции, постольку ремесленная деятельность продолжала концентрироваться преимущественно в общинах¹. Следовательно, частное экзоприсвоение её орудий и продуктов находилось в зародышевом состоянии², – и те, и другие являлись объектом КИ и/или ПКлК распоряжения общины и/или её вождя и коллективно-кланового владения и использования кланами ремесленников. Последнее верно и для эндоприсвоения их специализированных СЧСоч – навыков, умений, профессиональных качеств. Хотя носителями этих СЧСоч были именно члены клана, и никто другой, они не могли распоряжаться своими сущностными силами, ибо ремесленная деятельность являлась неотъемлемой составляющей общинного хозяйства, как объекта КИ и/или ПКлК распоряжения. Более того, поскольку община оставалась основным универсальным образованием, постольку имманентные ей КИ, ЛК, ЛКлК и ПКлК формы своения доминировали над ЛКл своением ВГ-ой племени соответствующих объектов. Таким образом, система своения материкового племени рассматриваемого периода и адекватная ей архитектура прото- и собственно институтов гораздо ближе таковой на Востоке, чем на островах.

Впрочем, наряду с восточным, нельзя недооценивать и критокикладское влияние, в котором восточные мотивы уже скорректированы особенностями островного месторазвития. Видимо, это влияние сыграло определённую цивилизирующую роль и во взаимодействиях аборигенных племен с племенами пришлых с севера индоевропейцев. Поскольку же указанные взаимодействия явились определяющим историческим событием второй половины III – начала II тыс. до н. э., а их последствия оказались значимыми для всей последующей истории Древней Греции, принципиально важно акцентировать их (взаи-

¹ Как известно, ремесленник по-гречески – "демиург", "работающий для народа".

² Такому состоянию частного экзоприсвоения вполне отвечало отсутствие его мощного катализатора – морских промыслов.

модействий) некоторые содержательные особенности и результаты, разумеется, с учётом имеющихся артефактов и свидетельств.

Прежде всего, обращает внимание *этническая пестрота* эпохи переселения. На сравнительно небольшой территории "столкнулись" по крайней мере четыре этнических массива: 1) аборигенов – средиземноморцев; 2) индоевропейских переселенцев; 3) "первичных" аборигенов, которые населяли материк до средиземноморцев и были вытеснены ими на периферию; 4) переселенцы с островов и Востока. Хотя 3 и 4 массивы были относительно малочисленными, нельзя недооценивать укоренённые в *третьем* этническую "материализацию" местных природных стандартов и мощный пласт соответствующего коллективного бессознательного, а также значимость *четвёртого* массива как носителя более развитой культуры и "демонстрационных эффектов".

Не вызывает сомнений доминирующее влияние более пассионарного и многочисленного *индоевропейского* массива, но оно не было тотально уничтожающим, так что родившийся в первой трети II тыс. до н. э. в результате взаимодействия указанных четырёх массивов *греческий этнос* стал носителем своеобразного сплава родовых характеристик всех "родителей". С момента появления на свет он (этнос) был вынужден в борьбе за своё единство противостоять природе и ландшафту. Заданное ими обособленное и, даже, анклавное расположение многих из примерно 30 племён (*История Европы...*, 1988. С. 156) обусловило существование ряда этнических образований, подбных субэтносам, консорциям и конвексиям, что не могло не способствовать *центробежным* процессам.

Как свидетельствуют исторические данные, более молодые в этническом отношении индоевропейцы обладали менее развитым *воспроизводящим хозяйством* в сравнении с таковым у автохтонных средиземноморцев. Например, с расселением племен культуры колоковидных кубков связано пока плохо изученное исчезновение энеолитической составляющей хозяйства, а поселениям культуры шаровидных амфор присущи слабые культурные слои, синкретизм и временный характер (*История Европы...*, 1988. С. 87–88). На эволюционном пути 3.2.2.2.2 – неполивного земледелия и скотоводства – племена средиземноморцев продвинулись значительно дальше племен индоевропейцев, прежде всего в земледелии. Так, вместо древних плепчатых пшениц уже выращивались новые виды, в том числе хлебная пшеница, активно прогрессировало возделывание олив и винограда (*История Европы...*, 1988. С. 86). Напротив, в хозяйстве индоевропейских племен доминировало скотоводство.

Трудно сомневаться в том, что этнический синтез сопровождался хозяйственным, и в конечном итоге и земледелие, и скотоводство греческих племён стало более развитым, усложнённая простая кооперация – более распространённой, а соответствующие технологические паттерны – более сложными и производительными. Очевидно, менее развитые *технологические паттерны* определённого вида (подвида) деятельности, "вызревшие" в одних природных условиях, отнюдь не всегда оказывают негативное влияние на более развитые паттерны, характерные для другой природной среды. Последние могут только выиграть, если органично ассимилируют или используют первые.

В известном смысле это верно и для *паттернов очеловечивания* – в ходе эволюции менее развитые паттерны диалектически отрицаются более развитыми и в том или ином виде становятся их частью. Несколько иначе дело обстоит с *религиозными верованиями*, которые являются самоценными, а потому равноценными, вне зависимости от уровня развития воспроизводящего хозяйства. Как известно, на вершине пантеона богов средиземноморцев утвердилось женское божество, олицетворяющее силы земли. Видимо, это объясняется не только критским влиянием, но и "живучестью" древних протоинститутов матриархата, когда богиня Рея была безусловной владицицей Эгейского мира. Напротив, главной фигурой пантеона богов индоевропейцев был бог неба Зевс, а в некоторых районах, например, в Пилосе, он уступал первенство Посейдону – богу неба и моря (*История Европы...*, 1988. С. 141-146). О степени *религиозного синтеза* свидетельствует, *во-первых*, тот факт, что согласно верованиям *древнейших греков* глава пантеона богов Зевс был сыном Реи, родившимся в одной из пещер на о. Крит (*История Европы...*, 1988. С. 146), *во-вторых*, такая степень схожести культовых практик и сооружений Микен и Крита, что впору говорить об эгейском культовом ритуале в целом (*Бартонок*, 1991. С. 151). Если же учесть "распределение обязанностей" наиболее влиятельных богов пантеона, то не вызывает сомнений постепенное осознание древнейшими греками единства и взаимосвязей всех известных им сфер универсума.

Не столь однозначными представляются тенденции синтеза в *своении*. С *одной стороны*, очевиден длительный симбиоз описанных ранее форм своения, присущих первому этапу эволюции племени (вероятно, именно на этом этапе находились племена индоевропейцев в начале эпохи переселения) и второму этапу таковой (характерному для аборигенных племен). Указанный симбиоз сопровождался не только прогрессом своения племён пришельцев, но и ощутимым регрессом. Не исключено, что пришельцы имели прямое отношение к гибели царской Лерны. В любом случае симбиоз способствовал укреплению общины и традиционных общинных форм своения – КИ, ЛК, ЛКлК, ПКлК. С *другой стороны*, несмотря на очевидное отставание от островных процессов своения, развития их корпоративного и частного начал, магистральный путь своения материковых племён остался в рамках общего исторического тренда, и к началу II тыс. до н. э. они достигли уровня, соответствующего третьему этапу эволюции племени.

Масштабные взаимодействия этнически разных племён не могли не сопровождаться рождением и совершенствованием *институтов взаимодействий*. С учётом дефицита соответствующих исторических материалов можно лишь предполагать ключевую роль на ранних этапах переселения кровной мести, обмена женщинами и других конкретных форм института талиона, а также известных табу. По мере этнического сближения и смешения племен возрастала роль взаимодействий их институтов морали-нравственности и рождающихся в результате таких взаимодействий новых институтов, в том числе, обычного протоправа. К сожалению, содержательные аспекты поэтапной коэволюции этнического субстрата и указанных институтов "скрыты во тьме веков". Однако практически бесспорен результат: в XIX–XVI вв. до н. э. этнически новые, *греческие* племена с единой материальной

культурой завершают третий этап эволюции, и на их основе возникают материковые ранние государства. К началу XIV века ведущее положение в их ряду занимает наиболее могущественное Микенское царство. Его господство вплоть до конца XIII века признавалось и признаётся историками убедительно доказанным, так что до недавнего времени вполне оправданной считалась гипотеза о существовании на материке единого государства с центром в Микенах (*История Европы...*, 1988. С. 157).

Однако археологические раскопки 1920–1970-х годов (*История Европы...*, 1988. С. 156), расшифровка надписей слоговым письмом Б на глиняных табличках, найденных в Пилосе и Кноссе (*Бартошек, 1991. С. 79–82*), свидетельства о междоусобицах между различными царствами (Охромен, Пилос, Тиринф, Фивы и др.) окончательно опровергли указанную гипотезу. Правда, без столь же исчерпывающего ответа остаётся вопрос: почему взаимодействие многообразных центростремительных и центробежных процессов не привело к образованию *единого материкового государства*, хотя таковые существовали у южных и восточных соседей, а влияние последних на материковые унобры являлось едва ли не решающим? Поиск ответов на этот вопрос позволит приблизиться к объяснению не только исторических событий микенской эпохи, но и современных процессов образования и распада государств.

Разумеется, упомянутый этнокультурный синтез играл мощную *центростремительную* роль. Объединительные процессы в XVI–XV вв. должны были интенсифицироваться с учётом этнической молодости и повышенной пассионарности ахейцев³, которая позволила им расселиться по всему матерiku и за его пределы, установить контроль над аборигенными племенами, так что династические ВГосГр-ы на разных материковых землях придерживались общих культурных традиций (*История Европы...*, 1988. С. 156), а между самими этими группами поддерживались достаточно интенсивные контакты (*История Европы...*, 1988. С. 157).

Однако, в конечном итоге, потенциал этнокультурной центростремительности оказался *слабее* потенциала *центробежности*. Нельзя недооценивать диктуемую особенностями природно-географического месторазвития *локальность* природных стандартов и детерминируемую ими локальность технологических паттернов, паттернов кооперации, а также общественных прото- и собственно институтов. В связи с этим необходимо констатировать известную *незавершённость* этнического синтеза. Видимо, в его орбиту не были вовлечены значительные этнические массивы аборигенов и пришельцев с юга и востока. Единые этнические стандарты не достигли потребного преобладания над особыми субэтническими, которые утвердились в разных частях материка и на колонизированных землях.

Взять, к примеру, остров Крит. Очевидно, его заселению ахейцами способствовали этническое старение этеокритян, их массовая гибель в результате трёх упомянутых ранее природных катаклизмов, а

³ Достоверно установленный факт существования ахейской монархии на Кипре вплоть до IV в. до н. э. (*История Европы...*, 1988. С. 167) позволяет предположить, что жизненный цикл ахейского этноса охватывал период примерно с XVIII–XVII по V–IV вв. до н. э. Следовательно, экспансия ахейцев на материке и за его пределы соответствует этапу пассионарного подъёма.

также вызванный последними более суровый климат, который был для ахейян привычным в силу его близости материковому. Однако, судя по вполне возможному разрушению Кносского дворца примерно в 1380 году именно этеокритянами, они не были ассимилированы и/или "переплавлены" в ахейско-греческом этническом "тигле" ни в XIV, ни в XIII веке до н. э. Вероятно, подобным образом разворачивались события и на колонизированных землях. Предпочтения переселенцев в помощи со стороны метрополии отнюдь не доминировали над предпочтениями независимости от нее.

Таким образом, вполне допустимо предположить, что под непосредственным воздействием природных стандартов в греческом этническом генотипе утвердился устойчивый узел относительной, но весьма значимой *особости и обособленности*, способной в определённых условиях трансформироваться в автаркичность. Разумеется, это не могло не сказаться на общественных прото- и собственно институтах.

Центростремительный синтез религиозных макропротоинститутов и культовых практик, о котором упоминалось выше, *нельзя считать всеобъемлющим*. Дело не только в том, что в некоторых царствах Зевс ещё долгое время не признавался верховным божеством. *Субэтническая* особость долгое время питала центробежную живучесть местных божков, культов и соответствующих мезопротоинститутов догреческого происхождения. В частности, в них отнюдь не приветствовался характерный для греков несколько критический взгляд на богов, их близкие к человеческим слабости и недостатки. В то же время для проникновения универсальных протоинститутов греческой религии в толщу духа *иных*, "сопредельных" этносов, по-видимому, недостаточно трёх-четырёх веков даже интенсивной экспансии.

Едва ли можно назвать *достаточно* органичным *духовно-культурный синтез*. Так, быстрота, с которой слоговое письмо Б было практически забыто при господстве дорян, свидетельствует о его слабой укоренённости в сельских, особенно горных поселениях. Или взять, к примеру, керамику и прикладное искусство. С приходом ахейян на Крит характерный для этеокритян натурализм стал активно вытесняться схематизмом (Бартонек, 1991. С. 124). Критские изобразительные технологические паттерны были заметно геометризированы, упрощены и таким образом забыты. Период подлинного синтеза натурализма и схематизма и образования особого эксклюзивного стиля исчислялся всего лишь пятью-шестью десятилетиями – от воцарения ахейян в Кносском дворце и до его разрушения примерно в 1380 г. до н. э. (Бартонек, 1991. С. 121). С одной стороны, схематизация обладает определённым потенциалом универсальности и в силу этого – *центростремительности*. С другой стороны, достаточно примитивное вытеснение ею особых изобразительных технологических паттернов отнюдь не способствует ослаблению *духовной центробежности*.

Величайшим достижением ахейско-греческого изобразительного искусства, эпической литературы и музыки, существенно отличающим их от таковых на Востоке, является обращение к проблематике активного движения и *человеческой индивидуальности*. Впервые в мировом искусстве столь зримыми стали попытки отражения личностных качеств человека, его внутреннего мира, ключевой роли самого человека в своей судьбе, несмотря на предопределение богов, мотивов жизнелюбия и

жизнеутверждения (*История Европы...*, 1988. С. 168-173)⁴. Но эти обращённые в будущее пионерные усилия и результаты вряд ли были близки восточно ориентированным этносам и субэтносам, да и восточным мотивам в самой греческой культуре, а потому несли в себе "зёрна" не только центростремительности, но и центробежности.

На материке, как и на островах, преобладало территориально-локализованное деятельностно-видовое *разнообразие опредмечивания*. Однако количество таких локусов было значительно бóльшим, а *опосредованная* усложнённая простая *кооперация* между ними в силу ограниченных возможностей морского сообщения – менее развитой. Во всяком случае, в исторических источниках примеры такой внутриматериковой кооперации весьма немногочисленны. Гораздо чаще упоминаются вешние связи, например, такие, как производство бронзовых изделий в Микенах из импортируемой с Кипра меди с их последующим экспортом на острова и в прибрежные районы Малой Азии и Южной Европы, что хорошо иллюстрирует центростремительную роль морского сообщения (*Бартонек*, 1991. С. 116). Обладающая мощным центростремительным потенциалом *непосредственная* усложнённая простая *кооперация*, как правило, ограничивалась дворцовыми и вельможными хозяйствами, а жёсткое управление из дворцов внутренней торговлей не позволяло ей выйти за пределы, диктуемые интересами ВГосГр-пп. Таким образом, степень натурализации хозяйства на материке заметно превышала таковую на островах и в прибрежных районах, что, разумеется, не способствовало центростремительным процессам в опредмечивании.

Вполне адекватной рассмотренным особенностям этнообразования, очеловечивания и опредмечивания выглядит *локальная политическая централизация*: прохождение ахейскими племенами третьего этапа эволюции и образование ранних государств. Следует учитывать, что характерная для указанного этапа наследуемость должности вождя ещё не является маркером смены племени государством. Необходим определённый, нередко достаточно продолжительный период, на протяжении которого династы институционально легитимизируются, формируют ВГосГр-у и царскую администрацию, значительно отличающиеся от органов военной демократии, специальные военные отряды проводят административно-территориальную и другие реформы, отвечающие известным атрибутам раннего государства.

Видимо, не без влияния южных и восточных соседей стейтогенез был достаточно интенсивным, так же как и сакрализация царей – ванактов. Так, в Микенах 1570–1550 гг. на протяжении жизни всего лишь трёх поколений (*История Европы...*, 1988. С. 154) ванакты возвысились чуть ли не до уровня богов. В связи с этим складывается впечатление, что формирование атрибутов верховной власти *опережало* соответствующие *базовые* процессы централизации. Разумеется, роль "демонстрационного эффекта" выражалась не только в этом. Типичная для материковых госцунобров *ВГосГр-а*, включавшая ванакта, родоплеменную знать – басилеев, лагавета, телестов, гекветов, а также неродови-

⁴ Не исключено, что указанные черты греческого искусства стали духовным ответом на рецидивы политического и экономического деспотизма восточного типа, средством поддержания определённого баланса в сложной институциональной универсумике. Впрочем, это всего лишь предположение.

тых коретеров (*Бартонек*, 1991. С. 95–97), по строению и структуре была близка критским и малоазийским аналогам, впрочем, как и *социальная структура* в целом. Правда, материковые общины (демос)⁵ обладали более обширными правами, чем таковые в восточных деспотиях, но это не мешало ВГосГр-ам усиливать редистрибутивное давление на общинников, ремесленников и торговцев с целью возведения громадных "востокоподобных" дворцов и персонального обогащения.

Очевидно, с учётом масштабов дворцового строительства, которые практически не уступали восточным, и значительно меньшей, выражаясь современным языком, налогооблагаемой базы, т.е. численности низов, вовлечённых в систему *редистрибуции*, удельная редистрибутивно-эксплуататорская нагрузка на них в материковых царствах отнюдь не уступала таковой на Крите и в Малой Азии. Разумеется, это не способствовало прочности и устойчивости социальной ткани царств. Если к тому же учесть существенные различия *субкультур* верхов и низов, то становятся понятными важные экономические и духовные катализаторы политической центробежности.

Не менее значимой для последней является относительная слабость *экономического* потенциала не локальной, региональной, а *общематериковой* централизации. *Во-первых*, для этого были недостаточны собственные экономические ресурсы отдельных царств. *Во-вторых*, междоусобные войны не только умножали, но и истощали эти ресурсы, а морской разбой не мог служить эффективным орудием централизации по определению. *В-третьих*, аристократические верхи ВГосГр-пп видели для себя больше выгод не в подчинении одному ванакту, а во временных коалициях и союзах, в том числе для ослабления наиболее могущественных соседей, а также независимом политическом существовании.

Именно политическая независимость была для ВГосГр-пп условием желаемого полного властно-собственнического своения. Разумеется, нельзя недооценивать и детерминацию последним первого. Основные атрибуты и этапы коэволюции стейтогенеза и властно-собственнического своения на материке вполне отвечали универсалиям, заявившим о себе в первых цивилизациях Востока и в Крито-Кикладском цивилизационном ареале. Однако в контексте настоящего исследования для нас не менее значима её (коэволюции) специфика.

Первое. На протяжении всего микенского периода *традиционные формы экзоприсвоения земли в общине* не претерпели каких-либо революционных изменений в отличие, например, от Древнего Египта времен деспотии, хотя частью своих изначальных земель она была вынуждена пожертвовать. В связи с этим небезынтересна интерпретация соответствующих терминов из табличек Пилосского дворца. Вероятнее всего, термином "*кекемена*" (*История Европы...*, 1988. С. 157) обозначалась часть (1) изначальных земель общины, которая оставалась в её КИ экзоприсвоении. Даже в апогее могущества ВГосГр-а могла претендовать лишь на некоторую долю дохода с этой

⁵ Первичной ячейкой типичного материкового царства являлся *род*, несколько родов объединялись во *фратрию*, несколько фратрий составляли *филу* – племя (*Сергеев*, 1963. С. 111). Вероятнее всего, в кровнородственном отношении микенский род подобен древней минимальной общине, а фратрия – максимальной. Здесь и далее речь идет, главным образом, об общине как фратрии.

части (1). Как правило, последняя подвергалась разделу на две субчасти. Субчасть (1.1) – леса, луга, горы, участки рек и т.п. – оставалась в КИ распоряжении, владении и пользовании общины с равным распределением возможных доходов от сдачи в аренду ремесленникам, торговцам, "божьем людям", а также персонам ВГосГр-ы. Субчасть (1.2) – как правило, плодородные участки (клеры) – отдавались во владение и пользование отдельным семьям с правом наследования. Община оставалась их КИ распорядителем.

Указанный порядок экзоприсвоения земли, равно как и КЛ экзоприсвоение орудий труда, являлся социально-экономической основой сохранения протоинститутов общинной демократии, что было практически исключено в восточных деспотиях. Вероятно, в таком виде община была преимущественно нейтральна к центростремительным и центробежным процессам.

Второе. Часть (2) изначальных земель общины, а также вновь обретенные земли становилась объектом последовательно, в процессе *эволюции общины*, ЛКлК и ПКлК распоряжения вождем и его кланом, а затем, если данная община доминировала в *племени*, а её вождь становился вождём племени (басилеем) – объектом ЛКл и ПКл экзоприсвоения ВГП. Вероятно, именно в этот период уже возникают "китимена" (*История Европы...*, 1988. С. 157) – отдельные участки земли, которые передаются вождём-распорядителем во владение *телестам* – главам родовых кланов или представителям родовой знати. Телесты были вправе сдавать эти участки в аренду. Как видим, обозначенный тренд властно-собственнического экзоприсвоения в основном соответствует универсальным тенденциям.

Специфика последнего становится ощутимой в период становления и укрепления *раннего государства*. Трансформация ПКл в ПКлКр экзоприсвоение земли и некоторых ремесленных орудий сопровождается формированием первыми племенными вождями династиями царской администрации и других атрибутов государства. Как и в Крито-Кикладском ареале, *корпоративный* атрибут экзоприсвоения явился следствием включения во ВГосГр-у неродовитых, но влиятельных глав профессиональных групп ремесленников, торговцев, а также управленцев хозяйства вождя, из которого в недалёком будущем "вырастет" дворцовое хозяйство. В связи с этим заметную роль начинает играть и *личный* атрибут своения. В силу понятной неразвитости морского дела⁶, отсутствия постоянной армии *частный* атрибут экзоприсвоения, в том числе властно-собственнического, не является достаточно значимым.

Таким образом, во внутриматериковых госцунобрах *раннегосударственная собственность* является формой *ПКлКрЛ* властно-собственнического своения. По мере развития опосредованной усложнённой простой кооперации, включения в её "цепочки" морской деятельности⁷, прогресса экспортного ремесла, роста числа междоусобиц между царствами и укрепления позиций военной знати, наце-

⁶ Напомним, что здесь речь идёт, прежде всего, о внутриматериковых племенах.

⁷ Уже в начале XVI века микенские цари перестали довольствоваться доходами от плодородных земель Арголиты и развернули активную морскую деятельность (*История Европы...*, 1988. С. 154).

ленной на частно-захватническое экзосвоение, ПКлКрЛ своеение трансформируется в ПКрКлЛЧ-ое, которое, по всей видимости, соответствует позднему микенскому государству. Очевидна содержательная *тождественность* таковой на Крите. Практически тождественны и объекты своения. Как и критские цари и монархи, ванакты не были реальными верховными распорядителями всей земли своих царств. Реальное ПКрКлЛЧ распоряжение распространялось только на дворцовое хозяйство и его земли, а также на такие ключевые объекты, как морские суда, сложные ремесленные орудия, крупные вооружения и т.п. Однако по мере продвижения от прибрежных к внутриматериковым царствам значимость корпоративного и, в особенности, частного⁸ атрибута во властно-собственническом своении относительно снижается, а роль экзоприсвоения земли – возрастает. Менее развитым на материке было и относительно независимое от ВГосГр-пп частное экзоприсвоение соответствующих объектов.

Представленная логико-историческая реконструкция властно-собственнического своения в материковых царствах микенской эпохи *не позволяет однозначно судить* о его большем или меньшем центростремительном потенциале в сравнении с Крито-Кикладской монархией. Взять, к примеру, упомянутое относительно независимое от ВГосГр-пп частное экзоприсвоение. Его относительно меньшая развитость на материке, на первый взгляд, опосредованно способствует центростремительности, ибо предполагает относительно меньшее количество более независимых акторов. Но вместе с этим относительно менее весомыми становятся центростремительно ориентированные торговые операции на нано- и микроуровне, казна недополучает соответствующие налоги, что отнюдь не умножает финансовые ресурсы центра.

Третье. С учётом практически перманентных *междоусобиц* и различного рода *коалиций и союзов* между этнически близкими материковыми царствами уместно хотя бы обозначить их (войн и союзов) центростремительный и центробежный потенциал. *С одной стороны*, подобие социально-экономического устройства царств облегчало попытки расширения объектов "привычного" ПКрКлЛЧ своения ВГосГр-ой – победительницей. *С другой стороны*, перманентные войны и неизбежные потери ослабляли экономический потенциал центростремительности. К тому же осуществляемое *совместно* союзными ВГосГр-ами своение объектов, захваченных в результате совместных действий, предполагало в первую очередь *распределение* этих объектов между указанными группами. Нетрудно догадаться, что последнее неизбежно сопровождалось разного рода центробежными "акциями" – ссорами, разрывами родственных связей и междинастических браков, заговорами, военными столкновениями и т.п.

Окончательный вердикт о соотношении центростремительности и центробежности в микенскую эпоху вынесла сама история: разрозненный микенский мир рухнул не столько потому, что его завоевали дорийцы; дорийцы смогли завоевать микенский мир именно потому, что он рухнул под тяжестью своей разрозненности и сравнительно (с Крито-Кикладской монархией) более острых универсальных противоречий.

⁸ В связи с этим весьма симптоматично отсутствие среди артефактов микенской эпохи индивидуальных печатей критского "образца".

Универсумные сдвиги "тёмных веков"

Постмикенский период вплоть до второй половины VIII в. до н. э. обычно называют "тёмными веками", имея ввиду и известный цивилизационный регресс, и определённый дефицит исторических данных. Впрочем, отнюдь не все события этого периода олицетворяют регресс и скрыты завесой тайн. Обычно в "тёмные века" включается и гомеровский период, который в литературной форме представлен в гомеровском эпосе, главным образом, в дошедших до нашего времени поэмах – "Илиаде" и "Одиссее". Однако в них отражена история Древней Греции не только XI–IX вв. до н.э., но и микенской эпохи (Сергеев, 1963. С. 100), а также некоторые реминисценции времени и места написания поэм (VIII в. до н. э., ионийское побережье Малой Азии). Иными словами, в поэмах представлен некий "микс" эпох и событий. Поскольку поэмы повествуют, главным образом, о завоевании ахейцами Трои и возвращении Одиссея в своё царство (конец XIII в. – начало XII в. до н. э.), то и *содержательное ядро поэм соответствует отнюдь не "тёмным векам", а поздней микенской эпохе.* Разумеется, это никоим образом не умаляет значимость иного исторического материала поэм. Важно, однако, не смешивать разные составляющие упомянутого "микса". Имея это ввиду, рассмотрим внимательней (1) субмикенский (1125–1025 гг.) (Сергеев, 1963. С. 217) и (2) гомеровский (X – первая половина VIII вв.) периоды "тёмных веков".

Массовое дорийское переселение привело к тому, что часть ахеев была уничтожена, часть – порабощена, часть – вынуждена бежать на острова Эгейского моря и на побережье Малой Азии. Ахейцам-киприотам в значительной степени удалось сохранить достижения микенской эпохи, а на самом материке в течение так называемого субмикенского периода доминировал цивилизационный регресс. Изначально культура дорийцев была почти не затронута минойскими и микенскими влияниями, их примитивная жизнь, по описанию Фукидида, наполнена непрерывными передвижениями с места на место, хронической бедностью и неуверенностью в завтрашнем дне. Подавляющее большинство микенских поселений было покинуто, а следы их вторичного заселения встречаются лишь эпизодически, как правило, после длительного перерыва и на некотором удалении от руин (*История Европы...*, 1988. С. 218–219). Даже дорийские железные орудия должны были пройти долгий путь совершенствования, прежде чем утвердить свои преимущества над бронзовыми⁹. Паттерны же опредмечивания и очеловечивания заметно упрощаются, практически исчезает усложнённая простая кооперация, сворачиваются торговые связи, прежде всего внешние¹⁰. Вряд ли пантеон ахейских богов был близок дорийцам, которые ещё не покинули пределы *родовой общины* и, по

⁹ Первые железные орудия и вооружения появляются на материке уже в позднюю микенскую эпоху (Сергеев, 1963. С. 108), в том числе благодаря финикийцам. Однако по условиям изготовления и качественным характеристикам изделия из железа ещё уступали таковым из бронзы, а потому предпочтение отдавалось именно последним.

¹⁰ Об этом, в частности, свидетельствует возврат к изготовлению лезвий ножей и наконечников стрел из камня (обсидиана) (*История Европы...*, 1988. С. 217). Кроме того, в погребениях послемикенского времени на территории Афин почти нет вещей иноземного происхождения (Сергеев, 1963. С. 99).

самым оптимистичным оценкам, вряд ли продвинулись дальше первого этапа эволюции племени. Ясно, что в силу зачаточности социальной дифференциации они не могли принять ни светской, ни подобной ей божественной иерархии¹¹, а также протоинституты культов и погребений¹². Значительно примитивизировалась институциональная деятельность: характерные для крито-микенской эпохи активная трансформация протоинституты и формирование собственно институтов оказались не востребуемыми. В системе своения, в том числе властно-собственнического, происходит возврат к абсолютному доминированию традиционно общинных видов – КИ, ЛК, ЛКЛК¹³.

Однако очевидный регресс субмикенского периода отнюдь не означает безвозвратной потери всех крито-микенских достижений. Видимо, многие из них погрузились в латентное состояние и посредством уно-институциональных механизмов исподволь влияли на прогрессивные "ростки" "тёмных веков". Впрочем, нельзя недооценивать и самостоятельную жизнеспособность этих "ростков" в *гомеровский период*. Прежде всего, в результате сложных *этнических* взаимодействий имеющих общее происхождение дорийцев и ахейян, а также иных этнических групп (средиземноморцы, этеокритяне и др.) к концу "тёмных веков" выделились основные ветви (субэтноты) греческого этноса: 1) на северо-востоке – *эолийцы*, которые заняли доминирующее положение в Аркадии, Беотии, Фессалии; 2) на востоке – *ионийцы*, расселившиеся в Аттике; 3) на юге – *дорийцы*, занявшие территории Коринфа, Эгины, Мегар, Сикиона, Аргоса, Спарты, островов Крита и Родоса (*Сергеев*, 1963. С. 125); 4) одна часть потомков *ахейян* осталась в Аркадии и Лаконии, а другая – колонизировала Кипр и некоторые другие острова, а также отдельные участки побережья Малой Азии.

Как видим, с XVII по IX вв. до н. э. произошло существенное переформатирование ахейско-греческого этноса, изменение его состава и структуры. Авторы солидного академического издания (*История Европы...*, 1988. С. 223) полагают, что повсеместное распространение в IX веке геометрической вазопиcи на территории как европейской, так и азиатской Греции означало сложение некоего общего стереотипа художественного мышления, объединявшего всех греков, что свидетельствовало о *начале становления* единой греческой народности. С этим можно согласиться с учётом некоторых немаловажных замечаний. *Во-первых*, в отличие от понятия "этнос" в понятии "народность" акцентируется не природно-географический и кровнородственный, а *социальный* и *экономический* атрибуты универсальных образований. В народности вербально-теоретическое начало человеческого духа в сравнении с невербально-генетическим и чувственно-эмоциональным гораздо более значимо, нежели в этносе. Поскольку же унобр целостен, то в процессе становления народности этносы отнюдь не

¹¹ Даже в наиболее крупных материковых святилищах отсутствуют какие бы то ни было следы культовой деятельности (*История Европы...*, 1988. С. 218).

¹² Наиболее распространённый в микенское время способ захоронения в камерных гробницах вытесняется индивидуальными захоронениями в ящичных могилах или в простых ямах. К концу периода появляется новый обычай – кремация и соответствующие ей захоронения в урнах (*История Европы...*, 1988. С. 218).

¹³ Подтверждающий приведённые положения исторический материал см. подробнее: (*История Европы...*, 1988. С. 217–223).

сходят с исторической сцены. Не исключено, что не только этносы могут служить "строительным материалом" и элементами народности, но и наоборот. Народность не может произрастать вне и помимо этноса, *но только на этапе активной экспансии не властно-собственнических, а частнособственнических отношений*. Поэтому понятие "народность" более адекватно античной эпохе, чем эпохе первых цивилизаций Востока.

Во-вторых, с позиций теории этногенеза Л. Гумилева, в "тёмные века" происходило именно *переформатирование* ахейско-греческого этноса, но его второе *рождение* как *эллинского* непосредственно связано с пассионарным толчком VIII века до н. э. (Гумилев, 2004. С. 132–133). Видимо, в новых исторических условиях повышенная природная энергия посредством уно-институционального механизма катализировала общественные процессы, в том числе становление греческой народности *в последующие* два-три века.

Но не будем забегать вперёд и вернёмся к гомеровскому времени. Оно знаменито многими событиями, но отражались они уже не столько в бронзовых, сколько в железных "зеркала". Содержанием "железной" революции X–IX вв. до н. э. явилось не просто превращение Греции из чистого импортера в самостоятельного производителя из железа унаследованных от микенской эпохи орудий (плуг, серп, нож и др.) и оружия в один из восточно-средиземноморских центров металлургии железа. Произошёл *принципиальный* для цивилизационной судьбы Греции *сдвиг в базовых паттернах* опредмечивания и очеловечивания, физико-химических, технических и технологических знаниях. Изготовление более прочных и производительных железных орудий осуществлялось без возврата к монополюющей дворцовой усложнённой простой кооперации, жёсткого отделения ремесла от земледелия усилиями "бродячих" ремесленников (Сергеев, 1963. С. 109) – "вчераших" или, даже, "сегодняшних" земледельцев. На смену преимущественно иерархическим связям индустрии бронзы приходит гетерархия и синархия индустрии железа.

Это верно и для изобразительного и декоративно-прикладного искусства, культовых практик, литературы, архитектуры и строительного дела. Паттерны протогеометрической и геометрической вазописи резко отличаются от таковых микенских, складывающийся патриархальный пантеон богов – от микенского пантеона, гомеровский эпос – от микенской героической поэзии (*История Европы...*, 1988. С. 219–221). Разумеется, *полного* разрыва с культурой микенской эпохи не происходит. Её реминисценции ощутимы в мотивах спирали, мелкой пластики, именах богов, элементах религиозной обрядности, образах и сюжетах мифологии, постройках в форме мегарона и конгломератном принципе жилых кварталов в рождающихся поселениях (*История Европы...*, 1988. С. 219–221). Но *дворцовая* основа и организация культуры канули в лету, а новые основа и организация станут ощутимыми спустя десятилетия.

Значительная распространённость железа, сравнительная лёгкость его обработки вкупе с упомянутой мобильностью дорийских переселенцев и известными природно-климатическими и ландшафтными особенностями месторазвития послужили мощным *ингибитором* укрупнения и консолидации унобров. Главным "полем" развёртывания

процессов опредмечивания-очеловечивания, социальных, политических, институциональных и присвоения становится не племя и племенной союз, а самоуправляющаяся *максимальная община* (фратрия)¹⁴, состоящая из патриархальных семей, ведущая натуральное хозяйство и спорадически обменивающаяся с себе подобными, главным образом, военной добычей (Сергеев, 1963. С. 109).

Сценарий статусной и имущественной *стратификации* в гомеровском периоде в основном соответствует универсальным канонам, и к концу периода в общине чётко выделяются верхи и низы. Первые представлены преимущественно родовой знатью, организованной во *властную группу общины* (ВГрОб). Именно родовая знать монополизирует все властные должности, в том числе басилеев, старейшин, жрецов. Видимо, басилеи ещё выбирались, но, главным образом, из числа знатных общинников. Следовательно, *клановая* составляющая ВГрОб абсолютно *доминирует*, а корпоративная находится в зародышевом состоянии. В низах нетрудно выделить два слоя: *верхний* образуют равноправные по крови с родовой знатью рядовые свободные общинники, в том числе разорившиеся феты, вынужденные работать в домашних хозяйствах (ойкосах) знати, а также бродяги; *нижний* – чужие по крови рабы, подёнщики, наёмники, бродяги. Рабство носило патриархальный характер, а наёмная работа считалась унижительной (Сергеев, 1963. С. 119).

Разумеется, протоинституты обычного права резко различались для своих и чужих. Нарастали различия этих протоинститутов родовой знати и её сообщинников из низов, о чём, в частности, свидетельствует снижение к концу рассматриваемого периода роли народного собрания. Хотя ВГрОб и обращается к нему как к третьей инстанции, всё чаще рядовые общинники лишаются права голоса, а от собрания требуется лишь утверждение решений, предварительно принятых ВГрОб (*История Европы...*, 1988. С. 225–226). В то же время ойкосы родовой знати отличаются от таковых рядовых общинников преимущественно только размерами, а сама она всё ещё сохраняет тесные связи с низами и не противостоит им в качестве особой сословной или, тем более, классовой публичной власти¹⁵. Таким образом, в конце "тёмных веков" в Древней Греции доминирует общинная "военная демократия", по Энгельсу¹⁶.

"Железная" революция и сопутствующие ей сдвиги простираются и на *систему своения*. Если в начале "тёмных веков" вся территория и земля общины находились в родовой собственности, т.е. в КИ экзоприсвоении общины, то к их концу положение становится во многом иным. Разумеется, община остаётся распорядителем всей земли. Но в общем земельном массиве выделяется две части: (1) *общинная*

¹⁴ "...историческая специфика раннегреческого гомеровского общества именно в том и заключалась, что... процесс классового и государствообразования... протекал здесь в рамках обособленной самоуправляющейся общины, первоначально сельской, а в дальнейшем (начиная примерно с VIII–VII вв.) протогородской" (*История Европы...*, 1988. С. 228).

¹⁵ Там же. С. 227.

¹⁶ "Военачальник, совет, народное собрание образуют органы родового общества, развивающегося в военную демократию. Военную потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни..." (Маркс К., Энгельс Ф., 1961. С. 164).

неделимая (луг, река, лес и др.), которая остаётся объектом *КИ* экзоприсвоения, но его отдельные элементы (например, владение, часть продукта) *ВГрОб* вовлекает в "орбиту" *лично-коллективного (ЛК)*, а затем – *лично-кланово-коллективного (ЛКлК)* экзоприсвоения, формируя таким образом предпосылки будущей государственной собственности; (2) *общинная делимая* (главным образом плодородные земли), которая распределялась и периодически перераспределялась между семьями (кланами) первоначально по жребию в виде отдельных участков (клеров) и становилась таким образом объектом *коллективно-кланового (семейного) (ККл(С))* экзоприсвоения семьи. *Коллективный* атрибут экзоприсвоения означал, что львиная доля распорядительных полномочий оставалась за общиной, и именно она являлась гарантом экзосвоения земли общинниками и исключения из акторов её (земли) экзоприсвоения необщинников. В категориях современной теории прав собственности, община являлась гарантом иммунитета от экспроприации земли у членов общины кем бы то ни было. *Клановый* (семейный, родовой) атрибут отражал реалии семейного владения и пользования клером, а также произведенным на нём продуктом.

Последующее закрепление клеров за отдельными семьями с правом передачи по наследству напрямую связано с экономическими интересами укреплявшей свои властные позиции родовой знати, прежде всего вождя (басилея). *Во-первых*, поскольку передача по наследству представляет собой подэлемент частного распоряжения, постольку *ККл(С)* экзоприсвоение земли трансформируется в *коллективно-кланово-семейно-частное (ККл(С)Ч)*. Это верно для всех *делимых* земель общины. Но, в отличие от клеров рядовых общинников, размеры земельных участков *басилея* и родовой знати прирастали за счёт захваченной земли значительно интенсивнее и соответственно расширились масштабы её *ККл(С)Ч* экзоприсвоения. С учётом привлечения к обработке указанных земельных участков рабов и фетов, *ККл(С)Ч* экзоприсвоение обрело частноэксплуататорский характер (*Чэ*). Таким образом объектом *ККл(С)Чэ* экзоприсвоения родовой знати становилась не только земля, но и создаваемый на ней рабами и фетами прибавочный продукт, а нередко – и часть их необходимого продукта.

Во-вторых, расширение за счёт завоеваний общинной *неделимой* земли укрепляет позиции *ВГрОб* и её *ЛКлК* экзоприсвоения, в том числе и той части избыточного продукта низов, который используется на общественные нужды. Часть этой части неизбежно экзоприсваивалась членами *ВГрОб* *ККл(С)Чэ* образом и так трансформировалась в прибавочный продукт. Следовательно, *ВГрОб* являлась сложным актором, по крайней мере, двух форм экзоприсвоения – *ЛКлК* властно-собственнического и *ККл(С)Чэ*. Как видим, в отличие от восточного, позднегомеровское властно-собственническое экзоприсвоение не претендует на клеры рядовых общинников.

Закрепление клеров за семьями *рядовых* общинников с правом наследования имело иные последствия. Общинники по преимуществу самостоятельно обрабатывали свои клеры и были лишены возможности экзоприсваивать избыточный продукт сообщинников. С учётом возможности передачи клера по наследству, в том числе его дробления, вполне логичной представляется трансформация *ККл(С)* в *коллективно-клано-*

вое частнотрудовое (ККл(С)Чт) экзоприсвоение клера и произведённого на нём продукта. При условии использования рабского труда работающие общинники становились акторами и ККл(С)Чт, и ККл(С)Чэ экзоприсвоения. Судя по упоминанию в поэмах Гомера о "многонадельных" и "безнадельных мужах" (*История Европы...*, 1988. С. 228), к концу гомеровского периода имущественная дифференциация ускоряется, и большинство разорившихся (в результате войн, неурожаев, неумелости, лености и других причин) общинников были вынуждены в качестве подёнщиков-фетов трудиться в ойкосах родовой знати. Видимо, в этом случае клер разорившегося общинника формально оставался в его ККл(С)Чт распоряжении и пользовании, но поступал в ККлЧэ владение "аристократа". Если же в течение всей своей жизни фет не мог выплатить долг "аристократу", то, вероятно, потомки последнего наследовали указанный клер, и таким образом он пополнял объекты ККл(С)Чэ экзоприсвоения. Несмотря на более мягкое по форме патриархальное рабство в сравнении с классическим (нередко рабовладельцы делили с рабами кров и трапезу), рабы являлись объектом ЛКлК или, гораздо реже, ККл(С)Чэ экзоприсвоения. В случае сделок самозаклада объектами ККл(С)Чэ экзоприсвоения становились сами феты.

В конце "тёмных веков" различия между верхами и низами нарастали в экзоприсвоении не только земли и продукта, но и орудий деятельности, а также в эндоприсвоении СЧС и институтов. Большинство *рядовых общинников* были акторами ККл(С)Чт экзоприсвоения орудий, поскольку обменивали их у бродячих ремесленников на часть собственного сельскохозяйственного продукта и таким образом самостоятельно распоряжались, владели и пользовались ими для выполнения необходимых работ. Большинство упомянутых *ремесленников* экзоприсваивали орудия изготовления орудий в клановой (если они являлись кровными родственниками) или групповой частнотрудовой форме (КлЧт или ГрЧт). Если же ремесленники являлись членами общины, то их орудия, как и клеры, выступали объектом ККл(С)Чт экзоприсвоения. Находившиеся же в ЛКлК распоряжении и владении знати орудия предоставлялись в пользование фетам и ремесленникам, а также соединялись с рабами, как "говорящими орудиями".

Как известно, опредмечивание и его экзоприсвоение коэволюционирует с соответствующими очеловечиванием и эндоприсвоением. Прежде всего, речь идёт об эндоприсвоении СЧСоч. В начале "тёмных веков" доминирует КИ эндоприсвоение ΔСЧС, потребных для выполнения общеобщинных сельскохозяйственных работ (ΔСЧСочсх), отправления религиозных культов (ΔСЧСочрк), а также ККл(С)Л эндоприсвоение ΔСЧСочр, необходимых для ремесленной деятельности. К концу "тёмных веков" в связи с изменениями экзоприсвоения, *во-первых*, повышается роль ЛКл эндоприсвоения басилеем (вождём) ΔСЧСочб – способностей, навыков, умений по выполнению должностных функций, в том числе сакральных; *во-вторых*, развивается возникшее ранее ККл(С)Л эндоприсвоение рядовыми общинниками СЧСоч, необходимых для ведения хозяйства в своих ойкосах и обработки клеров, а также для их экзоприсвоения (ΔСЧСсхк); *в-третьих*, совершенствуется ККл(С)Л эндосвоение ремесленниками своих производительных СЧС (ΔСЧСочр). Трудно достаточно определённо су-

дить о других формах эндоприсвоения СЧСоч, ибо дифференциация последних ещё не достигла соответствующего уровня.

Это верно и в отношении *институтов*. Очевидно, в начале "тёмных веков" паттерны сельскохозяйственной деятельности, равно как и протоинституты религии, находились по преимуществу в КИ эндоприсвоении общины. Параллельно выделению и закреплению клеров возникают и утверждаются общинные макропротоинституты экзоприсвоения неделимых земель, а также микропротоинституты экзоприсвоения клеров. Видимо, первые становятся объектами КИ, а последние – ККл(С)Л эндоприсвоения. Постепенно формируются и особые микропротоинституты верхов. К концу "тёмных веков" наиболее "продвинутыми" становятся протоинституты сакрализации, проторедистрибуции (в виде подарков, подношений и т.п.), а также присвоения родовых клеров и завоеванных земель. Наряду с указанными протоинститутами в ЛКл эндосвоение басилеев и знати вовлекаются и формируемые знатью собственно институты отчуждения клеров у сообщинников.

Таким образом, наряду с упомянутыми универсумными сдвигами, "тёмные века" "беременны" *новой социально-экономической системой*, отличной и от восточной, и от крито-микенской. Судя по её "зародышу", ей должно быть присуще не абсолютное доминирование властно-собственнического своения, а его сочетание с в значительной степени независимым частным. В "орбиту" власти-собственности ВГрОб не вовлечены ни орудия деятельности, ни клеры общинников, ни соответствующие их своению СЧСоч и протоинституты. Следовательно, система своения общины отнюдь не ограничивается абсолютным доминированием властно-собственнической составляющей, что характерно для восточных деспотий, а включает взаимодействующие властно-собственническую, частную и традиционные общинные составляющие.

Итак, во многих отношениях *Микенский материковый цивилизационный ареал* стал достойным преемником Крито-Кикладского *островного*. Природные стандарты *прибрежных* районов материка отличались от таковых *островных* разве что сравнительно менее мягким температурным режимом и бóльшей сейсмоустойчивостью. Поскольку внутриматериковые районы, прежде всего низменности и лесостепи, значительно обширнее подобных внутриостровных и значительно дальше отстоят от моря, постольку в *природных стандартах* первых провосточные компоненты сравнительно более значимы, чем в природных стандартах последних. С учётом этого обстоятельства, а также сравнительно бóльшей открытости прибрежных районов внешним воздействиям, в том числе экономическим, "прибрежные" *технологические паттерны* отличались от "внутриматериковых" сравнительно бóльшей инновативностью и динамичностью, т.е. прозападностью. Это верно и для прибрежной прорыночной опосредованной кооперации. Однако в силу породившего греческий этнос этнического синтеза¹⁷, который сопровождался соответствующим хозяйственным, в обоих

¹⁷ Нельзя исключать синтез присущих и средиземноморцам, и индоевропейцам срединных стереотипов (паттернов) этнического поведения, что усилило срединность таковых у молодого греческого этноса.

районах срединные компоненты технологических паттернов и кооперации обрели дополнительную синтетичность и сохранили доминирование, но уже в виде срединно-синтетичных.

К пику микенской эпохи срединную синтетичность обрела и *система форм присвоения*, однако в прибрежных районах её личная и частная составляющие получили сравнительно более интенсивное развитие, чем во внутриматериковых. В то время как в материковых царствах раннегосударственная собственность всё ещё сохраняла провосточную ПКлКрЛ форму, прибрежные царства "осваивали" более прозападную ПКрКлЛЧ форму.

Видимо, характерный для микенского ареала *локальный* стейтогенез не корректно определять как провосточный или прозападный. В целом он соответствует универсальным тенденциям и местным особенностям их проявления. Но *государственная властно-собственническая организация* микенских царств, и внутриматериковых, и прибрежных, была преимущественно восточной. Об этом свидетельствуют и уровень развития дворцовых хозяйств, и степень сакрализации царей-ванактов, и редистрибутивно-эксплуататорская нагрузка на низы. Видимо, последняя была примерно равной во внутриматериковых и прибрежных царствах, хотя степень товарности хозяйства первых уступала таковой последних. Господствующей государственной организации отвечал преимущественно восточный характер социальной структуры и социальной мобильности микенского ареала. Правда, с учётом большей развитости корпоративного компонента властно-собственнического и профессионально-корпоративного присвоения в прибрежных царствах, имманентная внутри- и межкластерная мобильность отличалась здесь сравнительно бóльшим динамизмом.

Религиозный и протоинституциональный синтез способствовал усилению срединного характера раннегреческой духовности, а наследование крито-кикладских культов и ритуалов означало сохранение доминирования восточных мотивов, чему способствовало также египетское и малоазийское влияние.

Таким образом, Микенский цивилизационный ареал, так же как и Крито-Кикладский, принадлежит к срединному субтипу восточного типа общественной эволюции, однако, в отличие от последнего, в нём достаточно определён обозначились два субареала – прибрежный и внутриматериковый. При преобладании их общих срединно-восточно-западных (СВЗ) характеристик в первом сравнительно возросла значимость западного компонента, прежде всего в системе форм присвоения, во власти-собственности, в редистрибуции и торговле, социальной мобильности. В этом смысле допустимо предположение о том, что прибрежному субареалу Микенского цивилизационного ареала имманентен *срединно-западный субтип восточного типа*. Впрочем, это всего лишь предположение.

Судя по известным историческим фактам, дорийские завоевания *субмикенского периода* прервали доминирование восточной линии общественной эволюции Древней Греции. Дворцовые хозяйства были разрушены, а вместе с ними – соответствующие формы властно-собственнического присвоения и восточной государственной организации. Подобная участь постигла и дворцовую культуру, одна часть которой была безвозвратно утрачена, а другая – перешла в латентное

состояние. "Железная революция" X–XI веков вполне отвечала господствующим срединным природным стандартам и в соответствии с их императивами катализировала процессы, имманентные *срединному типу* общественной эволюции. В *гомеровскую эпоху*, с одной стороны, о своих претензиях на доминирование "заявили" компоненты *универсальной срединности*, в том числе технологические паттерны неполивного земледелия, скотоводства, речного и морского промысла, общинная военная демократия¹⁸, КИ общинное присвоение неделимой земли, ключевых орудий деятельности и протоинститутов. С другой стороны, появляются компоненты новой, *особой срединности*, например, ККл(С)Ч форма экзоприсвоения земли и орудий деятельности, ККл(С)Л форма эндоприсвоения СЧСоч и институтов. Разумеется, в силу известного дефицита исторических материалов какие-либо окончательные выводы о характере общественной эволюции и цивилизационных атрибутах гомеровской эпохи были бы преждевременны.

Литература

1. Бартошек А. (1991). Златообильные Микены. Москва: Наука. 352 с.
2. Гумилев Л.Н. (2004). Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению. Москва: ООО "Издательство АСТ". 413 с.
3. История Европы (1988). Т. 1. Древняя Европа. Москва: Наука. 704 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. 746 с.
5. Сергеев В.С. (1963). История Древней Греции. Москва: Изд-во восточной литературы. 531 с.
6. Тарасевич В.Н. (2017). Фундаментальная экономическая наука: универсальность содержания и развития: монография. Днепр: ЧМП "Экономика". 1022 с.
7. Тарасевич В.Н. (2013). Экономико-теоретическое знание: универсальные императивы, гипотезы, опыты: монография. Москва: ТЕИС. 600 с.

Поступление в редакцию 22.09.2020.

References

1. Bartonek, A. (1991) Gold rich Mycenae. Moscow: Science [in Russian].
2. Gumilev, L.N. (2004). The End and the Beginning: Popular Lectures on Ethnography. Moscow: AST Publishing House LLC [in Russian].
3. Ancient Europe (1988). In *History of Europe*, vol.1. Moscow: Science [in Russian].
4. Marx, K., Engels, F. Op. 2nd ed. T. 21.
5. Sergeev, V.S. (1963). History of ancient Greece. Moscow: Publishing House of Oriental Literature [in Russian].
6. Tarasevich, V.N. (2017). Fundamental economic science: the universum of content and development. Dnipro: PME Economics [in Russian].
7. Tarasevich, V.N. (2013). Economic theoretical knowledge: universumic imperatives, hypotheses, experiments. Moscow: TEIS [in Russian].

Received on September 22, 2020.

¹⁸ По всей видимости, *демократия* имеет собственно срединные, а не собственно западные истоки, ибо в ней самой и посредством неё гармонизируются коллективные (общественные) и индивидуальные начала жизнедеятельности, а также общецивилизационные тренды обществизации и индивидуализации. И те, и другие произрастают из синкретичной срединности.